

**МЕХАНИЗМЫ ИЗМЕНЕНИЯ СОЗНАНИЯ
В ДИСКУРСЕ РУССКОГО РОКА**

В статье анализируются материалы экспериментального исследования изменённого состояния сознания реципиентов рок-концертов.

The present paper analyses experimental data reflecting the shifted state of consciousness in rock concert recipients.

Современная психолингвистика, преодолевая имманентность лингвистической модели её начального этапа развития, расширяет сферу своего научного поиска до исследования соотношений языкового знака со знаковым пространством сознания языковой личности. В продолжение данной исследовательской тенденции существует необходимость изучения семиотической организации пространства бессознательного, её роли в знаковом конструировании.

Исследование данной проблемы имеет уже небольшую традицию. Она закладывалась прежде всего в работах: Д.Л. Спивака (2000), С.А. Сухих (2006), Т.Н. Ушаковой (2006). Однако необходима разработка методологии и операциональных процедур для изучения одного из сложнейших феноменов человеческой психики, её бессознательной составляющей. Релевантными для исследования бессознательного могут оказаться представления В.П. Руднева (2005) о бессознательном психотика, главной особенностью которого является искажения соотношения между вещами, с одной стороны, и знаками и их значениями, с другой, то есть, имеет место психотическая семиотика. В.П. Руднев видит сходство в организации бессознательного психотика и бессознательного нормального человека, так как сознание психотика свернуто до определённой степени. Особенно оно редуцировано у шизофреников. Поэтому поведение шизофреника отличает мифологическое снятие оппозиций, т.е. совмещение взаимоисключающих утверждений (амбивалентность), деперсонализация по отношению к жизни, что проявляется в диссоциации личности, «коннотативные парадигматические преобладают над сигнификативными синтагматическими связями», то есть, когда его функция идентификации начинает преобладать над функцией синтагматической, нарративизации (Руднев 2005: 23). С точки зрения пси-

хоанализа в бессознательном психотика говорит ОНО, которое выполняет роль пропозиционной установки или пресуппозиции, что можно представить «это не я говорю, это ОНО говорит вместо меня». Отмечается безличность предложений, отсутствие оппозиции мужского и женского. В бессознательном психотика в архаических структурах-энграммах содержится «оральное, анальное, уретрально-истерическое, фаллически-сверхценное, эксгибиционистическое» (Руднев 2005: 259).

Главной особенностью организации бессознательного, по мнению П. Кюглера (2005), заключается в сходстве подсознательных ассоциаций образа и звука, т.е. тенденция бессознательного конструировать образы в соответствии с фонетическими структурами. В центре же комплекса ассоциаций лежит архетипический образ. Это соответствует парадоксальной фазе состояния сознания в нейрофизиологии, т.е. в изменённом состоянии сознания языковая форма становится значимой, тогда же как в бодрствующем состоянии форма прозрачна, а семантика слова значима.

Данные методологические установки позволяют понять механизмы воздействия дискурса русского рока (ДРР) на состояние сознания реципиентов. Исследование влияния дискурса рока предполагает участие посетителей рок-концертов. Операциональная составляющая исследования представлена свободным ассоциативным экспериментом, психолингвистическим анализом текстов. В качестве рабочей гипотезы принимается положение о том, что в изменённом состоянии сознания (ИСС) у человека выключаются логические фильтры и происходит регрессия на более раннюю стадию организации сознания – дологическую.

Экспериментальное исследование было проведено в два этапа с промежутком в полмесяца. На каждом этапе реципиентам предлагался список слов, включающих слова-стимулы с общими значениями и слова типа *алкоголь, пить, наркотики, трава*. Эксперимент проводился в устной форме. В нем принимали участие молодые люди от 15 до 24 лет в количестве 40 человек. Особенности выборки: ранняя алкоголизация, бродяжничество. Эксперимент был проведен в ночное время суток после окончания рок-концерта группы «БОДУН». Испытуемые по собственному желанию принимали участие. Однако многие после концерта из-за усталости отказывались участвовать.

Дискурс русского рока (ДРР) является разновидностью мифологического дискурса, главной особенностью которого выступает амбивалентность прочтения или открытость любой ассоциативной интенции, отчуждающей человека от естественных концептов языка, доминантность правополушарной логики, ассоциативная повторяемость, коннотативный характер смыслов и их диффузность. В ДРР транслируются мифологемы отдельных культов: силы, техники, отрицания Бога, «путь героя» – эстетизация насилия, и непристойности. ДРР является литературным произведением, в основе которого лежит ассоциативный механизм, главными операциями которого являются операции группировки и противопоставления.

Анализ ДРР позволяет выделить мифологемы двух категорий: контекстуальная или ситуативная и интенциональная, образующие, соответственно, субъект (контекстуально-ориентированная) и предикат (интенционально-ориентированная). Можно сказать: сущее и должное. К примеру, к параметрам деструктивного мифа (вербализованная негативная часть архетипа) относятся следующие:

- **носитель** – рок-музыка;
- **субъект** – перевернутые понятия о добре и зле;
- **предикат** – злая судьба, рок, фатум;
- **герой мифа** – бунтарь, скиталец.

Герой призван не то чтобы спасти нацию (родину) – это в принципе невозможно – а выручить её «на минутку», дать ей передышку до следующей битвы.

В русской культуре слово *рок* имеет иное прочтение, чем в англосаксонской традиции. В русской его семантике *рок* – участь, судьба, доля. Причем, судьба с коннотацией: невеселый, злой рок, злая лихая, трагическая судьба. По словам К. Кинчева русский рок выступает как нечто большее, чем просто рок:

*Это чем-то похоже на спорт,
Чем-то на казино,
Чем-то на караван-сарай,
Чем-то на отряды Махно,
Чем-то на Хиросиму,
Чем-то на привокзальный тир.
В этом есть что-то такое,
Чем взрывают мир.
Все это Rock-n-Roll.*

Характерно, что, пытаясь определить рок, Кинчев перебирает различные виды командной, по преимуществу мужской деятельности: *спорт, отряды Махно, тир*, – несущей в себе определенную долю опасности – *казино* (возможность все проиграть), *Хиросима* (Угроза смерти) – и повышающую адреналин: *спорт с его достижениями, казино, привокзальный тир*. Присутствует здесь и война – отряды Махно, Хиросима и, ассоциативно винтовка – тир. Но успокаивается автор, только нащупав фразу: *в этом что-то такое, чем взрывают мир*. Непонятно что-то, невыразимое в словах, нечто разрушительное. Непонятное даже тем, кто это применяет, разрушая мир.

Именно это ощущение себя как бессознательных разрушителей сильно в русском роке. Они становятся свидетелями крушения какого-то миропорядка. Переживания, испытываемые свидетелями гибели космоса, не проходят бесследно. Пытаясь найти выход в иную реальность, русские рокеры используют как средство ухода взрывоопасную смесь из восточных религий, христианства, разнообразных мистических практик и язычества. Эта смесь, вольно или невольно составленная ими, ведет к тому же итогу, что и подобное смешение верований в период римской империи – гностицизму, т.е. пессимистическое и трагическое ощущение мира. Космос как бы раздваивается на материальное (*быт, женщина, брак, секс*) и возвышенно-духовное (*вино, священные книги, музыкальные инструменты, мужское братство, наркотики*). Эти две доминанты создают оппозицию западноевропейской и восточноевропейской цивилизации. Для второй характерны вопросы «*Кто мы?*», «*где мы?*», «*куда идем?*» «*Как освобождаемся?*» «*Что такое рождение и возрождение?*». Для материальной доминанты – внешне материальное удовольствие блокирует вопросы, свойственные восточной части европейской цивилизации.

Творчество каждого из представителей тусовки русского рока, как отмечает Е. Дайс, невозможно представить без эстетики скандала, без попиранья норм. Все они разыгрывали роли «маргиналов в законе», позиционируя себя как сатанисты, некрофилы, маленькие или юродивые люди, «*Ну а мы, ну а мы – педерасты, наркоманы, фашисты, шпана*».

Миф выступает основой связи между людьми, обеспечивая минимальный уровень понимания людьми друг друга и их интеграцию. Мифология русского рока способствует формированию молодежной субкультуры. К таким объединениям отно-

сятся стихийно образующиеся компании главным образом подростков и молодых людей на основе увлечения, вида досуговой деятельности, подражания выбранному типу поведения (фанаты, хищники, панки, рокеры, металлисты и др.). Таким образом, объектом воздействия русского рока являются подростки.

С помощью громкостно-динамических характеристик рок воздействует на активизацию биологических инстинктов и соответственно на ослабление деятельности сознания. Тем более что подростковый возраст – это возраст инициации, когда в архаических обществах это переживается как смерти-рождение.

В композициях русского рока встречаем образ героя, которому надоело жить в доме родителей-мигрантов. Он неспособен выдержать рутинность каждодневных городских занятий, и уходит в пространство, свободное от мысли, интеллектуальной активности и книг, в пространство чистого действия. Это царство ночи, романтичный воин – варвар-воин в непрекращающейся войне космических оппозиций: света и тьмы, добра и зла, дня и ночи, неба и земли, дождя и засухи, степи и города и т.д. Например, в песнях В. Цоя:

Земля. Небо.

Между Землей и Небом – Война!

И где бы ты ни был,

Что б ты ни делал –

Между Землей и Небом – Война!

Основной мифологемой в ДРР является «ПУТЬ ГЕРОЯ». В интертексте безумие аналогично путешествию «туда и обратно». Путешествие проводит к экзистенциальному возрождению, излечению, катарсису главного героя после его первой фазы – символической смерти. Реальность душевной болезни соответствует катастрофе, беде как точке бифуркации в терминах синергетики, позволяющей человеку актуализировать его потенциальный смысл и выйти на новый круг развития.

Бегство в иную реальность – это концепт русского рока. Священное безумие, сумасшествие – это то, что в сакральном пространстве противостоит обыденной повседневной реальности. Экстаз через медитативные практики противостоит рациональности и прагматизму и включает человека в целостное измерение как истинное его начало. Художественный экстаз также противостоит обыденной жизни как ИСС у душевнобольного. Проникнуть в некие новые художественные коды,

художественное пространство возможно только в ИСС. Художнику это Даётся так же, как и душевнобольному. Причем, игра духа представляет один из фундаментальных смыслов человеческого бытия.

Через все творчество рок-исполнителей проходит тема употребления психоактивных веществ (в традиции русского рока – алкоголь) как пути в ИСС.

Следующая мифологема русского рока – маргинальность рок-поэтического концепта. Рок-музыка маргинальна поневоле. Она отрицала нормы, санкционированные большинством или государством. Главная тема рока – тема пути и возвращения домой, символизирующая процесс обретения идентичности.

Результаты анализа вербальных ассоциаций позволил выделить ряд ассоциативных стратегий реагирования (синтагматическая-парадигматическая, словообразовательная). До концерта преобладали парадигматические способы реагирования: *пиво – алкоголь, напиток; небо – облака; кровать – мебель*. После же концерта доминировали две стратегии: 1) автоцентричность и синтагматичность, типа: *пиво – дай мне; сатана – Я; грязь – плевать я хотел*; 2) стратегия конфронтации через антонимические реакции: *ангел – дьявол; небо – земля; вода – огонь*.

Отмечается высокий уровень вербальной агрессии и усиление жаргонизации речи, типа: ***трава*** – *шмаль, дурь, зелень, дрянь*; ***наркотики*** – *ширка, муляка, колеса, кайф*; ***алкоголь*** – *синька, бухло, пивасик, спиртяка*. Среди вербальных реакций преобладают фонетические, то есть, асемантические ассоциации. Например, ***кисть*** – *жесть, грусть, месь*; ***мама*** – *панاما, рама, бананамата, марихуана*; ***беседа*** – *лебеда, непоседа, победа* и др.

Отмечается уменьшение в реакциях слов с абстрактной семантикой, доминирование языковых стереотипов, а также сокращение времени реакций.

Понятие русского рока прописано в сознании в отрицательных коннотациях, преобладают: 1) *печальный и депрессивный*; 2) *пьяный*; 3) *безумный*; 4) *мрачный*, 5) *непонятный – сложный*.

Фоносемантический анализ показал, что слово «рок» обладает 25 признаками типа: *мужественное, храброе, большое*,

величественное, страшное, злое, громкое, шероховатое, грубое, яркое, темное, холодное и т.д.

Можно согласиться с В.М. Аллахвердовым (2003), что бессознательная часть значения сопровождается неосознанными психическими обертонами.

Проведенное исследование выявило следующие характеристики речи говорящего респондента в ИСС:

элементами этого имиджа являются:

- словоохотливость;*
- наличие нечленораздельных звуков и криков, подобных синдрому Туретто;*
- сбивчивость, алогичность;*
- эгоцентричность (аутичность);*
- преобладание конкретной лексики.*

Словоохотливость в ИСС как разновидность эхολалии обусловлена потребностью организма утилизировать аффективную энергию бессознательного. Преобладание в речи информантов нечленораздельных звуков и выкриков, а также реагирование фонетическими ассоциациями на слова-стимулы после проведенного концерта могут указывать на возрастную регрессию к дологической, доречевой стадии организации сознания, когда происходит усвоение ребенком фонем родного языка. Это подтверждает идеи В.В. Налимова о достижении ИСС через снятие организующей роли логического сознания. Речь респондентов менялась скачкообразно. Вопросы, вызывавшие затруднения, приводили к недовольству, росту агрессивных ответов или отказу продолжить разговор. В оценках реальности преобладал негативизм, что косвенно свидетельствует о наличии неотреагированных аффективных комплексов или негативной части архетипа. В разговоре опрашиваемые старались опровергнуть, доказать что-либо, но испытывали трудности при попытке довести свою мысль до конца.

Тексты песен группы «БОДУН» отличает печально-депрессивная доминанта. Смысл «печального» текста в утверждении ценности каждого дня жизни и любви к ней. Депрессивность рассматривается как неосознаваемая реакция на восстановление целостности, которая не была достигнута через социум и понимается как иллюзорная компенсация. Такое экзистенциональное разочарование является результатом высшего устремления. При этом личная духовность предполагает целевую интегративность: от цели к целостности, от фрагмен-

тации к целостности как попытку избавить душу от внутреннего беспорядка, конфликта. Сущность интеграции заключается в согласованности и конгруэнтности психики человека, особенно молодого, который находится в кризисе идентичности. К сожалению, проблема высших устремлений человека в психологии практически не исследована, но обозначена (Эммонс 2004).

Смысл песен акцентирует идею смерти как избавления от страдания, она сладка. Отражение времени в «печальном» тексте таково: все в прошлом, которое прекрасно, но в нем сделано много ошибок. В настоящем – страдания и чувство вины за прошлое. В будущем – одиночество, холод, смерти. Депрессивное мироощущение по П.Б. Ганнушкину проявляется в постоянно сниженном настроении, сожалениях об упущенных возможностях, идеях греховности и обнищания. Пример:

*Опять он уходит так долго
Она умирает так часто
Так часто, что даже двери
В последний раз открывались сами*

Психолингвистический анализ позволяет увидеть тревожность данных строк. На это указывают наличие обстоятельств со значением времени: *часто, долго*, что «представляет собой амбивалентный символ, указывая на состояние нерешительности, которое может привести либо к позитивному вложению, либо к регрессу – к жизненному или механистичному (Менегетти 2000: 387). Доминирующий фактор смерти выражен в предикатах *уходить, умирать, открывать дверь*. Могут быть предикатный и номинативный способы представления значений. Предикативный способ указывает на актуальность переживания, а номинативный – на его фоновую репрезентацию.

Гипнотическое состояние, вызываемое рок-музыкой, которое сопровождается нервно-чувственным возбуждением и сверхвозбуждением, за счет трансляции депрессивных установок может приводить к эмоциональным нарушениям, а также провоцировать тенденцию бегства в иную реальность. Музыка (бас-гитара, её звучание влияет на состояние спинномозговой жидкости) изменяет состояние сознания, что изменяет и интерпретацию текста, т.е. текст интерпретируется в соответствии с логикой бессознательного, а именно парадоксальной логикой.

Суггестогенный тип ИСС характеризуется функциональной возрастной регрессией к дологической стадии, деятельность мозга при этом отличается синхронизацией и выравниванием биоэлектрических активностей полушарий и активацией субдоминантного полушария. Замедляется альфа-ритм и появляется медленноволновая активность, особенно в диапазоне тета-ритма, приближаясь к детскому состоянию.

Таким образом, главным механизмом воздействия ДРР является музыка и ритм, а текст носит вспомогательную функцию, но усиливающую через фоносемантику воздействие на процесс изменения сознания. Данный процесс отражает одну из глобальных потребностей человека – получить доступ к целостному, равновесному состоянию психики, снимающему противопоставление его окружающему миру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. – СПб., 2003.
2. Кюглер П. Алхимия дискурса: образ, звук и психическое. – М.: PerSe, 2005.
3. Менегетти А. Образ и бессознательное. – М.: Онтопсихология, 2000.
4. Психоллингвистика: Учебник для вузов / Под ред. Т.Н. Ушаковой. – М.: ПЕР СЭ, 2006.
5. Россохин А.В., Измагурова В.Л. Личность в измененных состояниях сознания. – М.: Смысл, 2004.
6. Руднев В. Диалог с безумием. – М.: АГРАФ, 2005.
7. Руднев В. Словарь безумия. – М.: Неизменная фирма Класс, 2005.
8. Спивак Д.Л. Измененные состояния сознания: психология и лингвистика. СПб.: Ювента. 2000.
9. Сухих С.А. Языковая репрезентация измененных состояний сознания // Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 4. – Воронеж: ВГУ, 2006. – С. 78-93.
10. Юнг К.Г. Психология бессознательного. М.: Канон. 1994.
11. Эммонс Р. Психология высших устремлений. М.: Смысл. 2004.

Получено 21.02.2007 Кубанский государственный университет

Сухих, Станислав Алексеевич – доктор филологических наук, профессор Южного института менеджмента, г. Краснодар; sustal@manag.kubsu.ru.